

Нетократия и рефлексия: Засекречивание в постиндустриальном обществе

Денисов А.А.
с.н.с., ИКТИ РАН

Опубликовано в журнале: «Рефлексивные процессы и управление», Том 7, № 1, 2007. С. 33-50.

Массовое распространение компьютерных информационных технологий привело к возникновению в мире совершенно нового общества, которые мы привыкли называть и информационным или постиндустриальным. Однако часто из внимания упускается очень важный факт, состоящий в том, что приход нового общества *всегда* сопровождается социальной революцией и передачей власти от старого правящего класса к новому.

Социальная революция представляет собой кардинальную ломку *всех без исключения* основ старого общества, включая и механизмы власти. При этом старый правящий класс не просто уходит – власть добровольно не отдают. Старый правящий класс свою власть теряет, не имея более возможности защищать ее. То есть терпит поражение в конкурентном столкновении с новым правящим классом, который уже освоил новые технологии власти.

Собственно говоря, побеждает не новый правящий класс, а новые технологии управления оказываются настолько эффективнее старых, что все, кто еще пытается пользоваться старыми технологиями терпят поражение от тех, кто по какой-то причине смог своевременно на практике освоить новые технологии. Это и есть социальная революция.

В тех случаях, когда значительная часть представителей старого правящего класса вовремя заинтересуется новыми технологиями власти и озаботится их освоением, необходимости в политической революции не возникает и социальная революция принимает мирные формы. Старый правящий класс постепенно, эволюционным образом преобразуется в новый, а сама социальная революция приобретает характер сходный со сменой и/или обновлением поколений правителей.

Но в том случае, если старые правители настолько застыли в прежних формах власти, что начисто отказываются от новых знаний, происходит короткая и жестокая политическая революция, вызывающая к жизни систематический административно-правовой и даже физический террор против старого правящего класса. Цель этого террора состоит в том, чтобы необратимо деструктурировать старый правящий класс как единое коллективное сознание и не допустить его волевого реванша в будущем.

Новый правящий класс постиндустриального общества уже возник в мире. Он назван – нетократия, как производное от слов *net* [сеть] и *statio* [править]. Его интенсивно изучают во всем мире, пытаясь в первую очередь понять, что нужно сделать, чтобы окончательный переход к постиндустриализму не сопровождался такими ужасными войнами и страданиями сотен миллионов людей, как это было во времена наступления индустриализма.

Постиндустриальный парадокс «открытого общества и власти»

В своей предыдущей работе, посвященной нетократии [1], я рассмотрел 7 основных признаков нового мирового правящего класса постиндустриального общества. Разумеется, этими 7-ю признаками характеристика такого сложного явления как новая мировая правящая элита не может быть исчерпана. Имеется много других важных характеристик нетократии, к одной из важнейших из которых относятся новые принципы и цели засекречивания.

Совершенно очевидно, что власть не может существовать без тайны. Однако массовое распространение и доступность информационных технологий уже создали на первый взгляд абсурдную ситуацию, при которой практически любой желающий с минимальными издержками может получить полный объем информации, необходимой для принятия правильных управленческих решений. В том числе такой информации, которая еще совсем недавно относилась к категории секретной, совершенно секретной, а в ряде случаев – и особой важности.

Это поразительное положение дел ставит в тупик абсолютное большинство специалистов как в области разведки и контрразведки, так и высших должностных лиц государственных организаций, топ-менеджеров корпораций и банков и т.д. Ставит в тупик настолько, что они не всегда осмеливаются даже просто обсуждать эту тему, осознавая всю губительность такого положения дел, но не понимая практического выхода из него.

Я даже не говорю о современных возможностях несанкционированного съема информации с электронных носителей или о последствиях ее потери вместе с утерей компьютеров. Любой желающий может зайти, например, на сайт www.cryptogsm.ru и ознакомиться с шокирующей подборкой материалов на эту тему, собранной на основе сообщений мировых информационных агентств и публикаций СМИ.

Но и без этих явно криминальных или просто несчастных случаев засекретить ключевую информацию, необходимую для принятия эффективных управленческих решений, сегодня стало практически невозможным. Например, технологии деловой разведки [2, 3, 4], то есть поиска и анализа прикладных данных в электронных гипербиблиотеках вроде Lexis-Nexis (Информационная служба Конгресса) или Dialog позволяют добывать настолько чувствительные данные, что, как правило, лицо получающее подобную информацию из этих источников, например, на самого себя, испытывает откровенный шок. Дескать, это лицо полагало, что оно все делает в тайне, а оказывается буквально квално весь мир уже давно знает не только о его замыслах, но и о наиболее вероятном будущем сценарии развития его проекта, то есть о том, чего это лицо само еще не всегда хорошо понимает. А эта информация уже «выложена» в открытом доступе!

В гипербиблиотеках накапливаются гигантские объемы данных: от мировых и национальных информационных агентств и ведущих СМИ всех стран мира, маркетинговые отчеты и отчеты компаний и банков, открытые материалы слушаний по различным вопросам, проходящим в правительственных органах разных стран мира, прогнозы ведущих финансовых институтов, открытые регистрационные данные по компаниям, по недвижимости и т.п. Достоверность первичных документов защищена лицензионными соглашениями, что делает невозможным их опровержение. А в сопоставлении между собой они позволяют, не выходя из своего кабинета и всего за 500 долларов в месяц получать более 99% сведений, нужных для управления конкурентной борьбой в бизнесе или борьбой за власть в политике. Какое уж тут засекречивание!

Итак, власть и богатство не могут существовать вне тайны! А засекретить ничего невозможно. Получается парадокс, очень похожий на известную историю из детского мультфильма: «Казнить нельзя помиловать». С той только разницей, что в реальной жизни, где хочешь, там запятую и ставь, а итог все равно будет одним и тем же – никаким: засекретить все равно ничего не удастся.

Указанный парадокс более всего правильным было бы назвать постиндустриальным парадоксом «открытого общества и власти». С одной стороны, массовое распространение информационных технологий не позволяет вести эффективное засекречивание, что как ни странно, ставит всех людей в равные условия друг перед другом. А с другой стороны, власть без тайн и секретов не может существовать, что должно привести либо к тому, что никакой правящей элиты в постиндустриальном обществе нет и не может быть, либо мы чего-то не понимаем, упускаем и вида.

Разрешение парадокса «открытого общества и власти»

Конечно, логическая абсурдность описанного выше парадокса является лишь в идимостью. Этот парадокс легко разрешается, если принять в общем -то вполне логичное утверждение, что появление новых технологий конкурентной борьбы в бизнесе и во власти неизбежно кардинально изменяет принципы и цели засекречивания. То есть описанный парадокс указывает лишь на то, что старый правящий класс, возникший в индустриальную эпоху, уже потерял возможность вести эффективное засекречивание на всех уровнях своей активности. Иными словами он уже фактически лишился реальной власти, поскольку власть и тайны неразделимы.

Но тогда возникает следующий вопрос. Если нетократию к монополии на власть и на материальное богатство приводят новые технологии управления конкурентными структурами, то какие же новые принципы и цели засекречивания эти технологии приносят с собою? В чем заключается главный секрет нетократии? (Ведь он не в том, *что* именно секретится, а в том, *как* это делается.)

Это – очень важный, ключевой признак нового правящего класса постиндустриального общества. Его корни лежат в понимании особенностей новых технологий власти, которые создают исключительные конкурентные преимущества нетократии перед ее менее удачливым соперником – старой элитой индустриализма.

Краткая история развития технологий власти

Итак, власть не может существовать без тайны. Однако массовое распространение цифровых коммуникаций, характерное для начального этапа создания постиндустриального общества создает непомерные возможности для разведки, но не для засекречивания. Сегодня уже нет практически никакой технической возможности «закрыть» каналы обмена информационными сообщениями, причем перехват и расшифровка сообщений нынче доступна практически любому желающему.

Этот аспект начального этапа постиндустриального общества означает разрушение тайны как таковой. Давняя мечта высоких умов эпохи Просвещения: жизнь без тайн и секретов, честность и открытость как основные отношения между людьми. Но это же породило и такие уродливые явления, как массовое помешательство людей вокруг возможности выставить напоказ буквально любые стороны своей жизни и отношений с окружающими. Включая и настолько интимные, как свои личные любовные отношения.

Нетократия, добиваясь монополии на власть, будет вынуждена радикально решить вопрос о восстановлении тайны как таковой, причем решить его исключительно в своих узкокорыстных интересах. Для всех остальных слоев и структур общества «достижения» цифровых коммуникаций будут сохранены.

Поэтому наиглавнейшим признаком нетократии, без реализации которого нет и не может быть никакого правящего класса, является новый механизм, новый принцип защиты тайны или засекречивания, который отделит на информационно-технологическом уровне новый правящий класс от старого.

Источник нового механизма засекречивания лежит в сфере новых технологий власти. Он от туда происходит, там его корни и там почва, которая его питает соками жизни. А основой этих технологий всегда были, есть и будут технологии управления поведением выбора. В конечном итоге, именно в этом -то и состоит власть – управлять выбором, который совершают люди. Поэтому очень важно рассмотреть, как развивались эти технологии и какие изменения вносило их развитие в механизмы власти в различные исторические эпохи. Поняв логику этой эволюции, мы, наконец, поймем эволюцию принципов и целей засекречивания, которые, изменяясь при переходе к новому этапу технологического развития общества, неизбежно приводили к возникновению нового правящего класса

На сегодняшний день известно большое количество различных вариантов и технологий управления поведением людей. Многие из них происходят из времен глубокой древности, когда они создавались жрецами, магами или великими философами. Затем к делу подключилась наука, сперва переоткрыв, а точнее, переосмыслив старые знания в новых системах категорий и понятий а затем привнеся много нового, прежде казавш егося невиданным и невозможным. Однако все эти технологии в конечном итоге можно классифицировать на два предельных класса как два предельных, полярно противоположных случая:

1. класс технологий реактивного управления поведением или просто реактивное управление;
2. класс технологий рефлексивного управления поведением или просто рефлексивное управление.

Оба предельных класса технологий управления поведением определяются очень просто и вполне логично через свою целевую функцию:

1. *Реактивное управление* основывается на полном уничтожении способности человека совершать выбор в пределах тем, подвергающихся внешнему управлению, и имеет целью осуществлять последующее управление этим человеком путем сведения его поведения к схемам «стимул-реакция», то есть к безропотному исполнению приказов;
2. *Рефлексивное управление* имеет целью осуществлять управление поведением выбора человека при условии, что невозможно разрушить его способность осознавать и совершать выбор.

Таким образом, в реактивном управлении проблема управления поведением выбора просто снимается, так как разрушается сама способность человека совершать выбор. В этом смысле рефлексивное управление является своего рода вершиной гуманизации власти как таковой, поскольку не требует разрушения такой фундаментальной потребности человека как потребность к свободе, к свободному совершению индивидуального выбора.

Кроме того, рефлексивное управление гораздо более эффективно, поскольку позволяет управлять поведением выбора в гораздо более широком спектре ситуаций, ведь согласитесь, что далеко не во всяком случае можно разрушить способность выбора. Например, этого нельзя сделать в случае игры на бирже или в условиях военного столкновения двух противоборствующих армий.

В свою очередь каждый из предельных классов имеет по два подкласса, по моменту возникновения которых можно точно датировать последовательное наступление разных эпох современной технологической цивилизации. Таким образом – всего 4 укрупненных этапа развития технологий управления поведением выбора, которые соответствуют 4-м этапам развития общества:

1. абсолютизму, времени властвования доиндустриальной земельной аристократии;
2. индустриализму или капитализму, эпохе, когда у власти находилось технократическое чиновничество – государственное и корпоративное,
3. началу построения постиндустриального общества, то есть современной нам эпохе массового распространения цифровых коммуникаций, характеризующегося всеохватывающими процессами разрушения основ индустриального механизма управления обществом; это эпоха либерализма, эпоха последовательного отказа от государственного патернализма, достижений социальной защиты и деиндустриализации наиболее передовых стран мира;
4. собственно постиндустриализму, времени, когда нетократия достигнет монополии власти (рисунок 1).

Доиндустриальное общество, время власти земельной аристократии

Первый этап развития современной технологической цивилизации – абсолютизм – возник с появлением реактивного управления посредством управления содержанием меж-

личностного обмена. Этот вид управления представляет собой ни что иное, как цензуру, сопровождающуюся обязательным *принуждением* людей к принятию цензуры и жестокими, шокирующими наказаниями их за нарушения в сфере содержания межличностного обмена. Например, если некто *думал* о религиозных доктринах не так, как предписывает Католическая церковь, то его объявляли еретиком и сжигали на костре. Или в более близкие к нам времена если кто-то *думал* или *говорил*, что царская власть была лучше власти большевиков, то его подвергали политическим репрессиям. И так далее.

Рисунок 1. Классификация основных этапов развития технологий управления поведением выбора.

Эта система технологий управления поведением впервые была создана Католической церковью в XIII веке во времена альбигойских крестовых походов, когда Ватикан был вынужден вести смертельную борьбу против катарских ересей. Появление данного типа технологий связано с созданием Святой Инквизиции. В Инквизиции указанный тип реактивного управления был впервые институализирован. С тех пор эти технологии почти не изменились, учитывая, что политические репрессии большевиков были выстроены в полном соответствии с канонами этой системы технологий.

Индустриализм: время власти технократического чиновничества

Второй этап развития реактивного управления поведением выбора был основан на управлении трафиком межличностного обмена. Его наступление, полная институализация соответствует практической реализации теории среднего класса, возникшей благодаря трудам многих выдающихся масонов XVII – XIX веков и окончательно институализированной благодаря трудам премьер-министра Франции Франсуа Гизо (первая половина XIX века).

В основу второго подкласса реактивного управления были заложены математические модели коллективного выбора, такие как, например, принцип и парадокс Кондорсе¹ [5] и тому подобные. Это была эпоха всемирного триумфа нового общественного строя, который принято называть капитализмом.

Математические модели коллективного выбора дали возможность управлять итогами коллективного выбора, изменяя формальные, бессодержательные правила организации процедур совершения коллективного выбора. При этом содержание межличностного обмена становится мало существенным, второстепенным, что означает, что существенно уменьшается необходимость вторгаться в личную жизнь рядовых людей, манипулируя содержанием их мыслей и межличностного общения.

Объектом оперативного интереса спецслужб и внимания власти имущих в этот период становятся не люди, а организации и объединения людей. В среде нового правящего класса – технократического чиновничества быстро распространяется и закрепляется мнение, что «один в поле не воин», что личность – ничто перед дисциплинированной организацией и так далее.

Рассмотрим для примера парадокс Кондорсе. Предположим, что некоей группой лиц производится рейтинговое голосование, в котором производятся парные сравнения предпочтений.

<u>Итоги голосования</u>	<u>Парные сравнения</u>
23 человека: $A > B > C$	$B > C = 42$
17 человек: $B > C > A$	$C > A = 35$
2 человека: $B > A > C$	$A > B = 33$
10 человек: $C > A > B$	$A > C = 25$
8 человек: $C > B > A$	$B > A = 27$

В этом случае в соответствии с принципом Кондорсе имеют место три утверждения:

$$B > C; \quad C > A; \quad A > B.$$

Но вместе эти утверждения противоречивы. В этом и состоит *парадокс* Кондорсе или парадокс голосования. В этом случае оказывается невозможным принять какое-то согласованное решение и определить волю большинства.

Приведенный численный пример – лишь одна из возможных форм существования парадокса Кондорсе. В другой форме он возникает при попарном голосовании некоторого постановления или закона, когда каждая из статей закона принимается большинством голосов, а поставленный на голосование закон в целом отвергается, иногда даже стопроцентным большинством голосов.

Еще одной версией парадокса голосования является принятие таких коллективных решений, которые на индивидуальном уровне не поддерживает никто. Пусть у нас имеется три человека, голосующих по трем вопросам. Первый из них голосует «да-да-нет», второй – «да-нет-да», третий – «нет-да-да». Суммарный итог голосования подсчитывается как соотношение сумм голосов «да» и «нет» по каждому из вопросов. В рассмотренном случае суммарный итог голосования будет «да-да-да», хотя этот итог не отражает мнения ни одного из голосовавших и, естественно, не удовлетворяет никого из них².

Парадокс Кондорсе самым наглядным образом показывает, каким образом общее мнение смиряет волю. Каждый отдельный человек имеет собственное представление о выборе, имеет свои интересы и обладает волей для следования цели. Но будучи объединенными в группу, которая пытается выработать путем голосования цели общее поведение

¹ Маркиз Кондорсе был членом масонской ложи «Девяти сестер».

² В современной истории России в середине 90-х годов 2-го века уже был пример такого голосования, при котором на референдуме гражданам было предложено осуществить подобный выбор. К сожалению, с тех пор механизм представительной демократии претерпел слишком существенную деградацию. Возникает ужасная ситуация, при которой наша «элита» не может справиться с задачами управления даже на уровне идей 200-летней давности. Вот уж поистине «верхи не могут править по-новому»!

ние, воля отдельного оказывается настолько нивелирована, что может возникнуть ситуация, когда коллективное решение в принципе противоречит устремлению каждого из отдельных участников группы.

Более того, парадокс голосования показывает, что формирование итогового предпочтения путем голосования полностью определяется не интересами отдельных людей или даже групп, а формальными правилами голосования. *Именно поэтому демократическая машина индустриального общества должна быть деидеологизированной.*

Применение принципа и парадокса Кондорсе возможно в любой области общественной деятельности, а не только в политике. На их основе может работать совет директоров корпорации. Можно легко сконструировать торговую систему. И так далее. Однако чем более распространено голосование по любому поводу, чем чаще люди вовлекаются в голосование ранжированием предпочтений – что, кстати, легко можно превратить в увлекательную игру – тем эффективнее действует этот механизм, лишая коллектив возможности сформироваться на основе целенаправленного объединения индивидуальных волей, желаний или негодования.

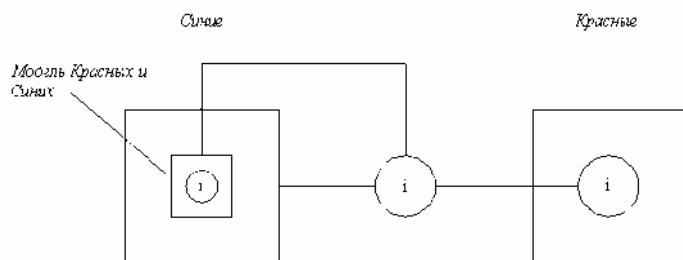
Из принципа и парадокса Кондорсе со всей очевидностью следует причина приоритета индивидуального над коллективным, которым отличается современная публичная демократия. Действуя на индивидуальном уровне, человек в полной мере осознает наличие собственной воли или точнее права и возможности совершить выбор. Но на коллективном уровне люди, подчиняясь принципу и математическому парадоксу, полностью подчиняются формальным правилам голосования (ранжирования). Управление осуществляется на коллективном уровне, который неподготовленный индивидум не создает. Он создает лишь свою собственную возможность делать индивидуальный выбор, при этом совершенно не понимая, что на системном уровне выбор существует только в руках того, кто контролирует правила голосования.

Либерализм и начало построения постиндустриального общества

В середине 60-х годов XX века возникла следующая, третья система технологий управления поведением, основанная на математических моделях морального выбора, созданных трудами советско-американского ученого Владимира Лефевра [6], его коллегами и учениками – рефлексивное управление.

Новая система технологий принципиально отличается от всего, что было известно до этого момента. По существу, основное содержание рефлексивного управления в том варианте, который появился сразу вслед за открытиями Лефевра, состоит в управлении *осознанием личного выбора* на основе манипулирования способностью к межличностному информационному обмену.

Этот вид управления находит свое выражение в схеме рефлексивного управления, показанной на рисунке 2.

Рисунок 2. Исходная схема рефлексивного управления. (Лефевр, 1966; Lefevre, 1977).

Предположим, в конфликте интересов столкнулись две стороны: Синие и Красные. Синие не могут разрушить способность Красных делать осознанный выбор. В этом случае

Синие осуществляют манипулирование осознанием выбора Красных. Для этого Синие и искусственно формируют дополнительный поток информационных посылок Красным помимо того, который существует от Синих к Красным, что называется, естественным порядком, то есть без сознательных манипулятивных действий со стороны Синих. Отсюда, кстати говоря, видно, почему и иногда рефлексивное управление называют «математикой лжи». Ведь совершенно очевидно, что информационные пакеты могут содержать истинные данные лишь в качестве частного случая.

Рефлексивное управление, схема которого показана на рисунке 2, было положено в основу практически всех эпизодов «холодной войны», как равно и управления шоковыми воздействиями на финансовые рынки. Когда журналисты рассказывают о Дж. Соросе как о гении финансовых спекуляций, они не учитывают специфики биржевой игры. Ее исход нельзя предсказать. Но рефлексивное управление позволяет, математически смоделировав поведение ключевых игроков, осуществить скрытое управление их поведением и привести, казалось бы, неуправляемую биржевую игру к заранее запланированному результату. А потом запустить «легенду» о гениальной финансовой прозорливости Сороса, которая замаскирует факт применения им рефлексивного управления. Ларчик то просто открывается, если знать что за ключик для этого нужен, тем более, что сам же Сорос фактически рассказал о своих методах работы, написав книгу «Кризис мирового капитализма» [7] и назвав в ней новую модель финансовых рынков *рефлексивной*.

Постиндустриализм: время монополии власти нетократии

Наконец, 4-я система технологий управления поведением появилась в середине 90-х годов XX века. Ее название – *психоинжиниринг* [8].

Психоинжиниринг основывается на концепции многослойности сознания человека. Это его уникальная особенность, отличающая его от всех других научных концепций и теорий, описывающих индивидуальное или коллективное поведение.

В психоинжиниринге каждый слой сознания находит свое выражение в совершенно специфической системе интерпретаций данных органами чувств и образов реального мира. В этом смысле каждый слой можно условно представить как особую квазиличность или квазисознание, обладающую специфической картиной видения мира. Человек может как бы «переключаться» с одного слоя на другой, становясь, тем самым, на время той или иной квазиличностью, то другой, всякий раз изменяя используемые им системы интерпретаций. В свою очередь каждая из систем интерпретаций находит свое выражение в формировании своей особой матрицы ценностей. В этом смысле матрицы ценностей становятся производными от систем интерпретаций.

Психоинжиниринг не является противопоставлением рефлексивным моделям, созданным Лефевром. Он – дальнейшее их развитие, но касается несколько иной сферы. Рефлексивные модели описывают закономерности *взаимодействия сознаний* и влияние этих взаимодействий на процессы принятия решений выбора (Лефевр называет их «моральным выбором»). Психоинжиниринг же основное внимание уделяет изучению закономерностей формирования *внутренней структуры* самого сознания. При этом закономерности взаимодействия между разными сознаниями или между различными внутренними слоями внутри одного и того же сознания описываются рефлексивными моделями Лефевра. Это расширяет применимость рефлексивных моделей на новый круг явлений и приводит к формированию рефлексивного управления в его уже развернутой, законченной форме.

Область практического применения психоинжиниринга – модели безинформационного межличностного обмена. Иными словами, данная система моделей позволяет описывать скоординированные изменения состояний людей-членов группы или общества, причем сделать это при условии, что наблюдатель не может по каким-то причинам создать модели информационного обмена между ними. В сущности, психоинжиниринг – не более чем специфический метод моделирования, но он очень интересен тем, что позволяет приступить к прямому инженерному проектированию коллективных сознаний со свойствами,

не встречавшимися до сих пор в природе. В свою очередь это открывает невиданные до сей поры возможности управления конкурентной борьбой, что уже сейчас, буквально на глазах превращает психоинжиниринг в один из ключевых технологических инструментов нетократии в ее величественной борьбе за монополию власти в постиндустриальном обществе.

Объединение рефлексивного управления в его первом варианте, который был создан около 40 лет назад с технологическими возможностями психоинжиниринга, как по д-виду рефлексивного управления, завершает становление технологической основы монополии власти нетократии и, тем самым, является базовой системой технологий управления поведением выбора постиндустриального общества. Именно благодаря а точнее в следствии такого синтеза возникают новые принципы и цели засекречивания, которые позволяют нетократии позитивно разрешить парадокс «открытого общества и власти», во становив тайну как основу своей собственной власти.

Рисунок 3. Последовательность 4-х основных этапов развития технологий управления поведением.

Эволюция принципов и целей засекречивания

Итак, развитие технологий управления поведением и связанные с ним изменения в механизмах власти всегда вызывали революционные преобразования всего общества. С этим же процессом было связано и совершенствование принципов засекречивания, без которого невозможно обладать *реальной* властью (см. таблицу 1). Однажды возникнув в самом ядре правящего класса, новые принципы быстро распространялись на все без исключения области деятельности людей. Тот слой или та страта, которая не успевала в овремя на практике освоить новые принципы засекречивания, неизбежно либо погибала, либо превращалась в часть нового низшего класса со всеми вытекающими отсюда последствиями. Например, так к середине XX века произошло в СССР с ремесленничеством, в

высшей, наиболее творческой и профессиональной часть которого всегда были весьма тонкие тайны мастерства.

Таблица 1. Принципы и цели засекречивания на разл ичных этапах развития технологий управления поведением выбора.

Реактивное управление (первый подкласс) <i>Доиндустриальное общество.</i> <i>Абсолютистские монархии</i>	Реактивное управление (второй подкласс) <i>Индустриальное общество.</i> <i>Буржуазная представительная демократия</i>	Рефлексивное управление (первый подкласс) <i>Начало строительства постиндустриализма.</i> <i>Разрушение основ индустриального общества (либерализм)</i>	Психоинжиниринг (второй подкласс) <i>Постиндустриальное общество,</i> <i>всевластие некторатии.</i> <i>Сетевые сообщества</i>
Цели засекречивания: Засекречивание информационных пакетов	Цели засекречивания: Засекречивание трафика и каналов обмена информационными пакетами. Засекречивание моделей и технологий обмена информационными пакетами	Цели засекречивания: Засекречивание матриц ценностей	Цели засекречивания: Засекречивание картин видения мира (систем интерпретации данных органов чувств человека)
Примеры: Инквизиция. Тайные оккультные общества. Криптография. Политическая разведка	Примеры: Тайные каналы финансирования террористов. Техническая разведка – анализ трафика.	Примеры: Шоковые воздействия на финансовые рынки. Управление противником. Методы внутренней валюты в рефлексивных играх.	Примеры: К. Кастанеда описал принципиально иную для обычного человека картину видения мира у мексиканских индейских шаманов (абстрактных магов)

Примечание. Фигурными стрелками показаны направления стойкого засекречивания.

Каждый новый этап развития общества сохранял и продолжал совершенствования методов засекречивания, основанных на принципе, возникшем на предыдущем этапе развития цивилизации, и добавлял к нему технологические реализации нового принципа засекречивания. Таким способом выполняются требования философского принципа развития – усложнение всей совокупности атрибутов объекта.

Постиндустриализм, сменяя индустриальное общество, переходит к новому принципу засекречивания, основанному на довольно простой в своей основе идее. Если доиндустриальное общество засекречивало содержание информационных посылок, а индустриальное – трафик, модели и технологии обмена ими, то постиндустриальное общество структурирует и затем засекречивает способности людей к восприятию и интерпретации информационных сообщений.

Первый этап развития постиндустриализма уже начался, и он характеризуется стремительным созданием тотальной (всемирной) технологии определения влияния на результирующую сумму внешней валюту коллектива или общества активности отдельных людей или локальных групп людей. Этот поход основан на опубликованной в конце 60-х годов статье Лефевра, Лепского и Баранова «Внутренняя валюта в рефлексивных играх» [9]. Вот как описывают постановку задачи сами авторы этой статьи – исключительной по своим реальным последствиям на развитие всей современной цивилизации.

«Предположим, что некоторый исследователь изучает конфликт, участники которого X , Y . Предположим, что исследователю удалось схематизировать этот конфликт как некоторую матричную игру. И еще предположим, что исследователь обнаружил, что один из игроков, например, X , играет неоптимально. Если у исследователя нет оснований сомневаться в разумности X , то он должен прийти к выводу, что та матрица, которую он построил, не является той «подлинной» матрицей ценностей, которой определяется деятельность X . Этот игрок решает иную задачу оптимизации, не ту, которую «видит» исследователь, имея матрицу в некоторой канонической валюте, скажем, в рублях».

Таким образом, метод внутренней валюты позволяет математически исследовать акты нелогичного социального поведения и производит количественную оценку их вклада в общую валюту коллектива или общества.

Поэтому главной целью засекречивания в это период становится матрица ценностей, которой оперирует игрок X и которую силится понять «исследователь», которому необходимо определить в какие «игры» играет этот X и к чему они приведут в конечном итоге. Может быть X , действуя тайно, принесет большую пользу коллективу или обществу. Тогда ему не нужно препятствовать. А может быть он своими действиями снизит общую валюту игры, что равносильно нанесению ущерба.

Рандомизация матриц ценностей

Следующий этап становления постиндустриального общества, на котором нетократия собственно и достигнет монополии власти, будет связан с внедрением в практику жизни общества и в первую очередь самой нетократии полномасштабной социальной технологии засекречивания, основанной на формировании в сознании избранных людей таких непатологических и непатогенных картин видения мира, которые существенно отличаются от общепринятых, искусственно навязанных остальным членам общества, не относящихся к новой элите. По этой границе и пройдет линия, на самом глубоком уровне отсекающая элиту от остального общества.

Еще раз повторю, что основой нового принципа засекречивания является синтез рефлексивного управления и психоинжиниринга. Ранее я уже упоминал, что психоинжиниринг основывается на концепции многослойности сознания человека. Каждый слой выражается в совершенно специфической системе интерпретации данных органами чувств и образов реального мира. Каждый слой можно представить как особую квазиличность или квазисознание, обладающие особыми картинками видения мира.

Человек владеющий способностями к оперированию с различными картинками видения мира, то есть системами интерпретации, может как бы «переключаться» с одного слоя на другой, становясь, тем самым, на время то одной квазиличностью, то другой, всякий раз изменяя свои системы интерпретации. В свою очередь каждая из систем интерпретаций находит свое выражение в формировании своей особой матрицы ценностей. Таким образом, *матрицы ценностей становятся производными* от систем интерпретации. Система интерпретации задает правила, закономерности формирования матриц ценностей.

В результате возникает процесс своего рода «листания» матриц ценностей, выбор которых становится для внешнего наблюдателя как бы случайным, спонтанным. Этот эффект можно условно назвать «рандомизацией матриц ценностей».

По этой причине, полагаю, становится понятным, что

1. Главным предметом, целью и задачей засекречивания в постиндустриальном обществе на его развитии эти становятся не матрицы ценностей как таковые, а картины видения мира.

2. Основой технологией (принципом) засекречивания является рандомизация матриц ценностей

Практическое освоение основного принципа постиндустриального засекречивания автоматически превращает человека, смогшего этого добиться, в часть нетократии, а саму нетократию приводит к монополии на власть.

Помимо сказанного, использование таблицы 1 позволяет понять принцип достижения стойкого засекречивания. *Стойкое* засекречивание создается что называется «сверху-вниз» (для схемы расположения материала в таблице 1 – справа-налево; направления стойкого засекречивания показаны фигурными стрелками). Операции с картинами видения мира стойко засекречивают матрицы ценностей. Операции с матрицами ценностей стойко засекречивают трафик, модели и технологии обмена информационными посылками. Наконец, операции с трафиком позволяют стойко засекретить содержание информационных посылок.

Власть и богатство как Искусство бесследности

А теперь попытаемся более наглядно представить что такое «раскрытие матрицы ценностей», иными словами как можно на практике вскрыть матрицу ценностей, оперируя с картинами видения мира. Возьмем пример из современных фильмов о поимке маньяка - убийцы. Чтобы поймать подобного преступника, герою фильма нужно предсказать дальнейшие шаги маньяка, место его будущего преступления и так далее. Для этого герой - сыщик должен «влезть в шкуру убийцы», проникнуть в его чувства и мысли, понять, что заставляет такого изощренного преступника делать то и ли иное. Это – один из способов вскрытия матрицы ценностей благодаря использованию иной картины видения мира. Подобный прием расследования основан на методе эмпатии. Впрочем, есть и другие не менее эффективные приемы.

Рассмотрим более сложный случай. Что будет если преступник настолько психически инороден обычному человеку и сыщику в том числе, что в его «шкуру» влезть невозможно? Или возможно, но тогда сыщик сам, восприняв картину видения мира маньяка, потеряет контроль над своим сознанием и оказывается полностью поглощенным ею? В последнем случае сыщик сам становится таким же точно маньяком, «копировщиком», что не раз было смоделировано в современном кинематографе, например, в некоторых сериях «Секретных материалов». В таком случае преступления маньяка не остаются быть раскрываемыми, так как любой, кто использует метод эмпатии, сам становится маньяком - «копировщиком», а на основе обычных приемов уголовных расследований поймать маньяка невозможно, разве что случайно. Что мы все наблюдали на примере поимки знаменитого маньяка-серийного убийцы Чикотило.

А теперь я хочу предложить следующий гипотетический (а, скорее всего, не такой уж гипотетический) пример. Представим себе, что картины видения мира «листает» не преступник, а некий индивид, который преследует свои цели, при этом уклоняясь от демонстративных экстраординарных конфликтов с окружающими, то есть хотя бы не убивает их с особыми признаками. Тогда его действия становятся совершенно неклассифицируемыми для внешнего наблюдателя, поскольку общество не может противопоставить ему экстремальных методов сдерживания, использующих очень небольшие ресурсы специально подготовленных людей, способных работать с инородными картинами видения мира.

На практике это означает, что обычный внешний наблюдатель воспринимает результаты действий такого индивида как единичные события, не подчиненные сквозной логике далеко идущего плана. Для внешнего наблюдателя реально существующая последовательность шагов, предпринимаемых нашим индивидом, представляется как некоторое множество несвязанных между собой случайно возникших эффектов. Наблюдатель не может связать их в единую цепочку событий, понять логику планирования нашего инди-

вида, предсказать его возможные будущие шаги и выстроить свой альтернативный план действий, то есть план конкурентного противоборства.

В рассматриваемом примере индивид становится для внешнего наблюдателя не обнаружимым, невидимым. Он превращается в человека-призрака, в тень. В этом заключается главная особенность, так сказать психотехника подавления конкурентов со стороны нетократии как нового правящего класса. Другое название этой совокупности моделей поведения – «Искусство бесследности».

И последнее. Сегодня «Искусство бесследности» стало частью технократического способа мышления, поскольку берет свое начало в рефлексивном управлении, то есть в технической кибернетике второго уровня, описывающей системы с самосознанием. Его невозможно освоить, если не получив хорошего базового инженерного или физико-математического образования. К сожалению, постиндустриализм – это общество технократов, но технократов совершенно новой генерации, «кибернетической».

Литература

- [1]. А.А. Денисова «Нетократия как стратегический субъект 21 века». // «Проблема субъектов российского развития». – Материалы Международного форума «Проблемы будущего: междисциплинарный подход» 16-19 октября 2006, г. Звенигород / Под ред. В.Е.Лепского. М.: «Когито-Центр», 2006. С. 48-57.
- [2]. Н.П. Лиходеев, Л.Е. Товстых. «Информационные ресурсы для бизнеса». СПб, «Электроника, бизнес, информатика»1998.
- [3]. Майк Бьер. «Интеллектуальное ведение и сопровождение бизнеса». М., «Кудин-Образ». 2005. (Издано при содействии IBM East Europe/Asia.)
- [4]. Л.Г. Кравец, С.А. Обрезанов. «Интеллектуальные ресурсы конкурентной стратегии». М., «Права человека», 2004.
- [5]. А.А. Собянин, В.Г. Суховольский. «Демократия, ограниченная фальсификациями. Выборы и референдумы в России в 1991 - 1993 гг.»// Проектная группа по правам человека. М., 1995.
- [6]. Владимир Лефевр. «Алгебра совести». //Пер. с англ. М., «Когито -Центр», 2003.
- [7]. Джордж Сорос. «Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности»./ Пер с англ. М., «ИНФРА-М», 1999.
- [8]. См, например:
А.А. Денисов «Новые перспективы применения управления знаниями в управлении стабильным развитием». // «Рефлексивные процессы и управление». Тезисы V Международного симпозиума 11-13 октября 2005г., Москва / Под ред. В.Е.Лепского – М.: Институт философии РАН, 2005. - 282с. – С. 73-78.
А.А. Денисов. «Новая комплексная технология повышения капитализации и конкурентоспособности компаний»./ «Материалы конференции VIII международного форума «Высокие технологии XXI века – 2007». Москва, 23-26 апреля 2007 г. – С. 285-288.
- [9]. В.А. Лефевр, П.В. Баранов, В.Е. Лепский. «Внутренняя валюта в рефлексивных играх». // «Известия Академии наук СССР. Техническая кибернетика». № 4, 1969, с. 29 – 33. (Во второй половине 2006 г. эта статья была переиздана в журнале «Рефлексивные процессы и управление», № 2, т. 6, июль-декабрь 2006, с. 96-102.)